

Свѣтлячокъ

1904 г. ◦ годъ III. ◦ № 7

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

„ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЫ!“...

ЛЕГЕНДА.

(СТИХОТВОРЕНІЕ А. ПЛЕЩЕЕВА).

Былъ у Христа-младенца садъ,
И много розъ взрастилъ Онъ въ немъ.
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплестъ вѣнокъ Себѣ потомъ.

Когда же розы разцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ;
Они сорвали по цвѣтку,
И садъ былъ весь опустошенъ.

— «Какъ Ты сплетишь Себѣ вѣнокъ,
«Въ Твоемъ саду нѣтъ больше розъ?»
«Вы позабыли, что шипы
«Остались Мнѣ», — сказалъ Христось.

И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него,
И капли крови вмѣсто розъ
Чело украсили Его!

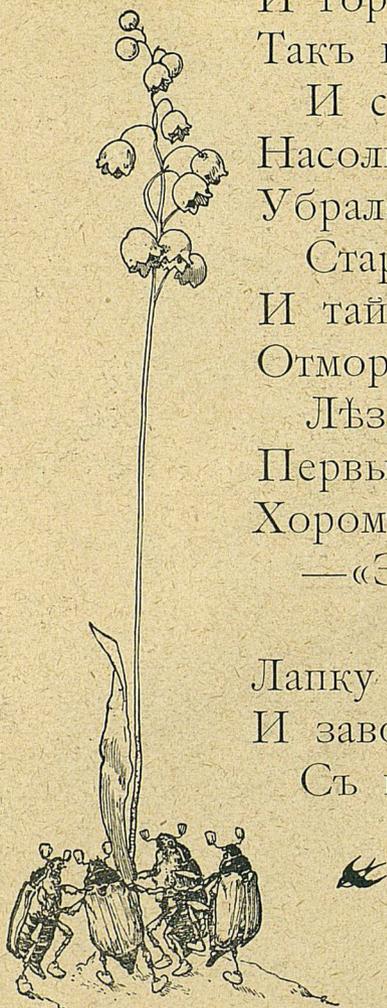

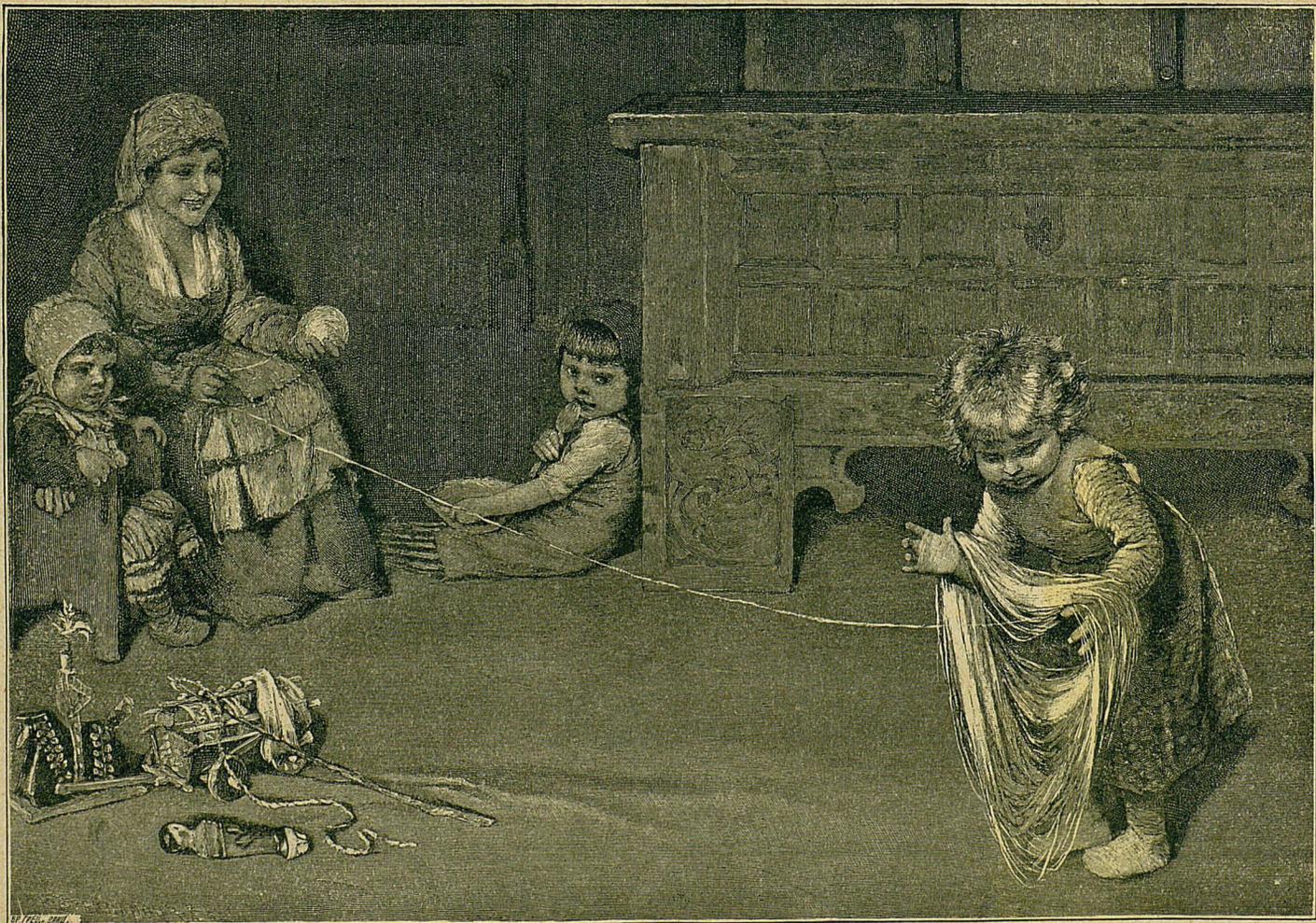
Христось-младенець.

Первый ландышъ.

Чу! Весна-красна идетъ,
Гонить зиму, ломить ледъ,
Спорить съ ней—не шутка!..
И горластые грачи
Такъ кричатъ,—что всё молчи,
И скворцамъ-то жутко.
Насоливъ намъ всёмъ весьма,
Убралась отъ насъ зима
Старушонкой скромной...
И тайкомъ лихой морозъ,
Отморозивъ себѣ носъ,
Лѣзетъ въ погребъ темный...
Первый ландышъ у рѣки
Хоромъ встрѣтили жуки:
—«Здравствуй, князь прекрас-
ный!»...
Лапку жуку жуку даетъ,
И заводятъ хороводъ
Съ пѣсенкой согласной...

А. Ф.-Д.

Опять нитки спутала!..

ЛОДКУ УНЕСЛО!

(РАЗСКАЗЪ МАЛЬЧИКА).

Я малый озорной былъ, да, видно, Богъ хранилъ. Вотъ какъ я разъ по веснѣ чуть было въ рѣкѣ не утонулъ.

Шли мы разъ съ отцомъ изъ города, съ работы къ Свѣтлому празднику. Да запоздали, и ужъ въ самую субботу подь Свѣтлый праздникъ подошли къ перевозу на рѣкѣ; отсюда мы должны были переправляться на лодкѣ. А на другомъ берегу наша деревенька стояла.

Только подходимъ къ перевозу, а тамъ — суматоха. Галдитъ толпа, руками размахиваетъ; и какъ-будто плачетъ кто-то.

Что за притча такая? Подошли мы съ ба-тей — и видимъ, что это у перевозчика горе вышло.

Стояла у берега его лодка на привязи. Онъ домой пошелъ, въ ватажку, закусить, а дѣвчонка его, — Дашка, никакъ, звали ее, — въ лодку забралась и давай баловать.

О ту пору по рѣкѣ ледъ шелъ, потому рѣка недавно только вскрылась. Льдинами-то лодку отъ привязи оторвало и занесло на средину рѣки. Дашка испугалась, заблажила во весь голосъ:

— Тятка, миленькій!.. Спаси ты меня!..

Выбѣжалъ перевозчикъ, глянулъ на рѣку, — и сердце у него замерло. Какъ стоялъ, — такъ снопомъ и повалился на землю. Люди сбѣжались, — стоятъ, галдятъ, а что дѣлать, не знаютъ...

Рѣка-то наша, Воря, невеликая, мелководная; ну а въ полую воду, какъ снѣгъ начнетъ таять да въ нее стекать, да ледъ вскрыется, — она и разливается, будто и въ самомъ дѣлѣ большая рѣка какая...

Хорошо... Посередкѣ рѣка въ родѣ бы островка какого было. А на островкѣ росли высокія вербы. Вотъ лодку-то съ Дашкой льдинами и прибило къ островку, а дальше не несетъ.

Почесаль отецъ голову.

— Эхъ,—говорить,—Гришунька, а неладное это дѣло!.. Смерзнетъ дѣвчонка-то, а то крикомъ изойдется!.. И лодку жаль,—изотретъ ее льдомъ; «по-міру» пойдетъ перевозчикъ... Да ничего не подѣлаешь: ледъ-то ненадеженъ, большому мужику не стать на него, хоть и недалеко до островка добѣжать.

Меня словно ожгло что!.. И дѣвчонку жаль стало, и лодку тоже, а отецъ словно говоритъ, что мнѣ надо дѣлать.

Я это на нѣбушко глаза-то вскинулъ:

«Помоги,—думаю,—Матинька Богородица!»...—да ужъ себя не помню, съ берега и прыгнулъ на льдину.

Она кружится подо мной, какъ живая, а я съ нее—на другую, на третью...

А сердце-то у меня—тукъ-тукъ; въ вискахъ-то кровь стучить.

Слышу,—гадятъ за мной, и отецъ кричить:—Куда ты, шальной? Вернись, озорникъ!..

А я вижу, что и назадъ мнѣ не вернуться нельзя, и прыгаю дальше съ льдины на льдину...

До островка-то саженьъ десять было,—и все бы ничего было... Да разгорячился я, по-

Лодку унесло!..

мутилось у меня въ глазахъ, около самого островка оступился я да въ воду—чебурахъ!..

Однако, ко дну не пошелъ, да и мелко тамъ было... Я за вѣтку уцѣпился и живо на бережокъ вскарабкался...

Дашка-то затихла, съ перенугу выпучила на меня глаза и молчитъ...

Ну, тутъ я живо въ лодку перекинулся, Дашу съ собой рядомъ усадилъ да и пошелъ весломъ отпихиваться... Тяжело было, потому что льдины хоть и небольшія, а все-же напираютъ на лодку, кружатъ ее, того гляди, искрошатъ, изотрутъ ее...

А съ берега ужъ къ намъ другую лодку выслали и перехватили насъ...

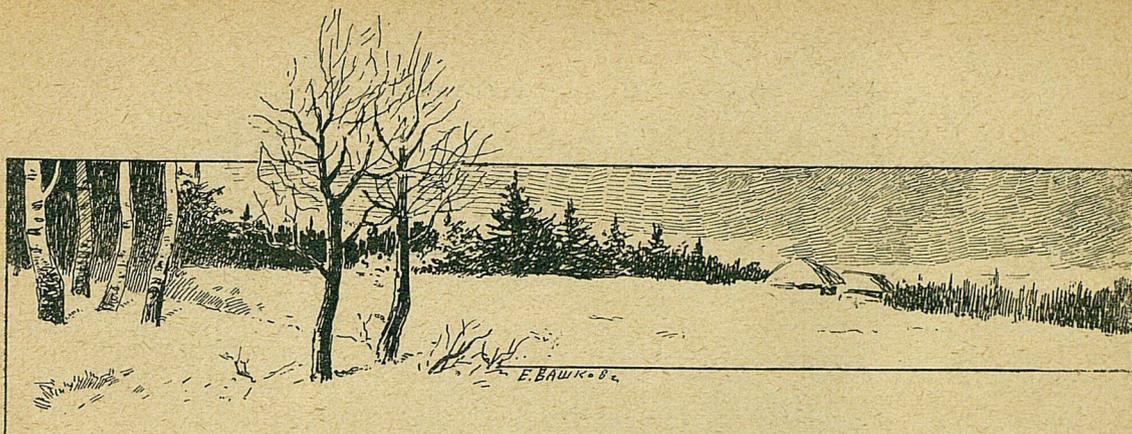
Не помню хорошо, какъ меня и Дашку на берегъ вытащили, а только отъ отца мнѣ за то досталось...

Пролежалъ я послѣ того недѣли двѣ дома и всталъ здоровехонекъ...

Такъ вотъ какое дѣло со мной было подь самую Пасху.

А. Федоровъ-Давыдовъ.

Грѣшница-говѣльщица.

„ДОНЪ, донь, донь!“ — уныло звонитъ церковный колоколь къ великопостной службѣ...

— Бѣжимъ, Таня, бѣжимъ, милая, опоздаемъ!..

— Бѣжимъ и то, Настя, пора!..

И перебираютъ дѣвочки своими косолапыми валенками, только мерзлый снѣгъ скринить подъ ногами — хрушь, хрушь, хрушь...

Въ церкви полутемно; тускло горятъ свѣчи у мѣстныхъ иконъ; на клиросѣ монотонно читаетъ дьячокъ „часы“. Слышенъ явственно шелестъ крестящихся рукъ да вздохи богомольцевъ.

Дѣвочки, укутанныя платками, въ полушубкахъ, въ валенкахъ, словно медвѣжата, тоже усердно стали молиться...

— Господи, Владыко живота моего!.. — произнесъ батюшка, выходя на амвонъ, и богомольцы торопливо стали бить земные поклоны. И наши медвѣжата покорно бултыхнулись въ землю на веревочный коврикъ.

Онѣ говѣли въ первый разъ и потому особенно усердно слѣдили за всѣмъ, во все, какъ могли, вникали.

— Всѣ грѣхи-то припомнила? — шепчетъ Настя Танѣ, а сама ее въ богъ локтемъ — толкъ-толкъ.

— Нѣтъ, не могу припомнить, гдѣ ужъ всѣ-то! — съ отчаяніемъ шепчетъ Таня, тяжело дыша послѣ поклоновъ.

— А я всё, всё до капельки собрала.

— Что ты хвалишься, молись лучше!

И опять неуклюжіе медвѣжата бултыхаются въ землю.

— Вотъ небось забыла, какъ кота за хвостъ оттаскала! — шепотомъ помогаетъ Настя подругѣ собрать грѣхи.

— А вѣдь и то забыла! Спасибо!.. Ну, молись!..

— А забыла, какъ оскоромилась на второй недѣлѣ, — молоко-то выпила?..

— И то забыла, — вздыхаетъ Таня.

— Эхъ, ты!..

Идутъ домой дѣвочки послѣ службы...

„Господи! Господи!.. — горько думаетъ Таня, какъ Ты меня, грѣхководницу, на землѣ терпишь?.. Кошку отодрала, молоко выпила, вчера послѣ ужина лобъ не перекрестила, третевось съ озорства у бабушки лампадку задула!“ ...

А Настя идетъ и думаетъ:

„Такая это Таня грѣшница: вся въ грѣхахъ запуталась, забыла, въ чемъ и каяться должна... А я-то всё грѣхи за полгода записывать стала, и теперь они у меня всё — словно на ладонкѣ!“

Дома Таню ждала новая бѣда. Больная мать встрѣтила вошедшую дѣвочку сурово.

— Гдѣ ты пропадаешь? Я больна, встать не могу; Мишукъ благимъ матомъ кричить, чтобы его по комнатѣ поносили, а тебя какъ на грѣхъ нѣтъ да нѣтъ!..

— Я у службы была!..

— Охъ, грѣхъ одинъ съ этимъ говѣньемъ!.. Тебѣ бы только съ Настей побѣгать... Ей-ей, право!.. Какіе у тебя, клопа, грѣхи-то могутъ быть!

Великая грѣшница начинаетъ ухаживать за матерью, мочить полотенце, перевязываетъ ей голову, даетъ пить. Потомъ беретъ на руки братишку-коропуза Мишуга и долго ходитъ съ

Грѣшницы-говѣльщицы.

нимъ, утѣшаетъ его, неутѣшнаго, а тотъ слезы съ грязью размазалъ по всей мордашкѣ и все всхлипываетъ, все обиженно надуваетъ губы,—за что-де его обидѣли, горемычнаго!..

До вечерни возится „грѣшница“ дома по хозяйству...

„Донъ, донъ, донъ!“...—уныло звонить колоколь.

— Мама... Я къ вечернѣ пойду,—робко говоритъ Таня.

— Куда тебѣ?.. Съ кѣмъ мы-то останемся, а?.. Погоди, отецъ придетъ... Тебѣ бы все бѣгать да баловаться... Вонъ Мишукъ, слава Тебѣ Господи, успокоился; уйдешь ты,—онъ опять заблажитъ...

Горько на душѣ у Тани... Вотъ, хотѣла поговѣть, очиститься отъ грѣховъ, а тутъ съ братишкой возись. А грѣхи-то тяжкіе: котъ съ хвостомъ прищемленнымъ, какъ живой, стоитъ; молоко издали дразнить ее; ужинъ безъ молитвы къ горлу подступаетъ...

Да много грѣховъ, сразу-то и не припомнишь!..

Въ четвергъ на Страстной Настя разрядилась пава-павой: словно купчиха плыветъ,—вся красная, въ красномъ сарафанѣ, чисто ягодка малины... Во всѣхъ грѣхахъ она покаялась, причастилась, идетъ домой веселая, довольная... Словно кто на крыльяхъ несетъ ее... Теперь она будетъ съ праздникомъ!..

Забѣжала къ Танѣ,—та такъ и не говѣла, некогда было...

Вошла въ горницу, — Танинъ отецъ ее поздравилъ, чай пить съ собой усадилъ...

— Ишь ты нарядная какая, словно барышня!.. — ласково сказала онъ.—Большая совѣмъ: и говѣла, и у Святыхъ Таинъ была!.. А вотъ Танюшка у меня такъ и не удосужилась...

За перегородкой слышались всхлипыванія, сдержанныя рыданія, словно въ отвѣтъ на эти слова...

Бросилась Настя туда,—а Таня, какъ ставила самоваръ да

угли насыпала, такъ черными руками закрыла лицо и горько-горько разливалась-плакала...

— О чемъ ты, Таня?..—крикнула Настя...

— Я... не... удостоилась... грѣшница я великая... недостойная...

А когда Настя чаю напилась и домой ушла, сапожникъ Илья кликнулъ дочку къ себѣ, поставилъ ее между колѣнъ и началъ ее утѣшать...

Онъ гладилъ съ непривычной для него самой лаской своей закорузлой, черной рукой по ея бѣлокурымъ, нѣжнымъ волосамъ и говорилъ, какъ умѣлъ:

— А ты это, Танюшка, перестань, не реви, значить... Ну, того, не говѣла, ну, того, поздравленья не получила... А все-же мать успокоила и братишку-пузана уважила... Богъ-то, братецъ мой, это все примѣчаетъ; Онъ все это собираетъ да на бабушкѣ ночью-то золотыми звѣздочками пишетъ, что, молъ, Танюшка крѣпко своихъ любить, а, стало-быть, и грѣхи ей отпустить слѣдуетъ, и вся недолга...

— Да вѣдь онъ на меня жалится Богу-то? — съ плачемъ пробормотала Таня.

— Кто-о? |

— Да котъ-то, что я ему хвостъ прищемила...

— Я жъ тебѣ говорю, — прощено тебѣ все... за твою, за любовь, значить... На то я тебѣ и тятка, чтобы правду истинную говорить...

Этому ужъ Таня не повѣрить не могла и просіяла вся, и съ души у нея словно камень какой свалился...

Теперь и она будетъ съ праздникомъ!..

А. Федоровъ-Давыдовъ.

Въ свѣтлый праздникъ.

Разметалась полночь вешняя,
Чары дивныя творя;
Чу!—большой ударилъ колоколъ
У Ивана-Звонаря *)

Покатились звуки мощные
Надъ бойницами Кремля,
И отрадной, свѣтлой радостью
Преисполнилась земля...

И свершилось чудо дивное.
Вдругъ Москва вся ожила,—
Нарядившись, убравшись,
Въ храмы Божіи пошла.

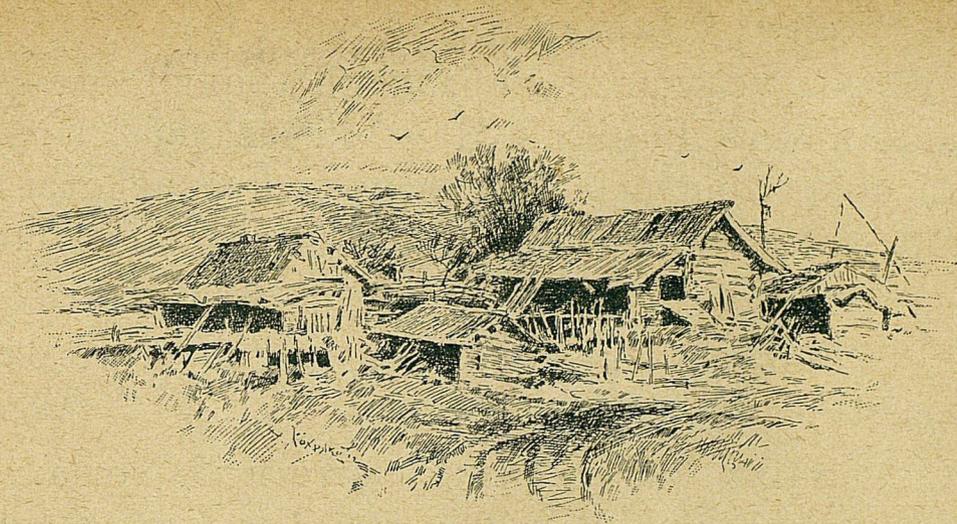
Въ тишинѣ весенней полночи
Вкругъ церквей народъ идетъ;
Высоко хоругви подняты,
Блещутъ ризы, хоръ поетъ...
Красный звонъ—веселый, радостный—
Долетаетъ до небесъ,
И кругомъ повсюду слышится
Чудный гимнь: „Христосъ Воскресъ!“...

И. Бѣлоусовъ.

*) Колокольня Ивана Великаго въ Московскомъ Кремлѣ въ народѣ извѣстна подъ именемъ „Иванъ-Звонарь“.

Чушка

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе. См. № 6).

Весна пролетѣла быстро, и на смѣну ей явилось знойное лѣто съ новыми радостями и утѣхами деревенской жизни. Мы бѣгали въ лѣсъ, купались въ рѣчкѣ, ѣздили на сѣнокосъ, и время летѣло весело и беззаботно.

Между тѣмъ у насъ на скотномъ дворѣ опять случилось несчастье: Чушка изгрызъ маленькаго поросенка отъ породистой свиньи, чуть не придавилъ хорошую утку и опять напалъ на скотницу Марью и ушибъ ее клыкомъ. Скотница собралась уходить.

Однажды вечеромъ, играя въ саду въ кро-

кетъ, мы услышали на балконѣ громкіе голоса папы и тети Варюши. Намъ показалось даже, что они ссорились. Мы очень удивились, такъ какъ этого раньше никогда не бывало. Но они просто громко и сердито разговаривали.

— Это смѣшная сентиментальность, Варюша!—сказалъ папа.

— Пусть такъ!—отвѣтила тетя Варюша.— Но я не могу этого допустить. Мнѣ это очень непріятно. Мнѣ это больно...

— Мало ли колятъ свиней!.. Въ деревнѣ иначе невозможно жить... Ты вѣдь не ѣшь мяса, а другимъ все равно.

— Не могу помириться съ этой мыслью. Я къ нему привыкла и смотрѣла на него не только какъ на будущее мясо... Пожалуйста, отдай его, продай, сдѣлай, что хочешь. Я не позволю его заколоть!..

Тетя Варюша прошла мимо насъ съ заплаканными глазами. Мы очень огорчились: она была такая твердая и никогда не плакала.

Мы поняли все, перестали играть въ крокетъ и тихо шептались.

— Я ни за что не стану больше ѣсть свинины,—сказала Ирочка.

— А я даже и къ поросятамъ не притро-
нусь,—объявила Оля.

Насъ очень интересовало, отвоюетъ ли тетя Варюша своего Чушку.

Ну, конечно, папа сдѣлалъ такъ, какъ она желала: Чушку у насъ не закололи, его продали на свиной заводъ за 25 верстъ отъ насъ. Тетя Варюша ѣздила его навѣстить и сказала намъ, что ему живется тамъ очень хорошо, и что онъ никому не дѣлаетъ никакого зла.

Подъ конецъ лѣта все объяснилось. Мама и тетя Варюша видѣли собственными глазами, какъ Марья била бѣдную корову. Развѣ можно бить безотвѣтное животное?! Что оно понимает?! Такъ вотъ отчего Марью такъ не любили животныя, вотъ отчего обижалъ ее Чушка!

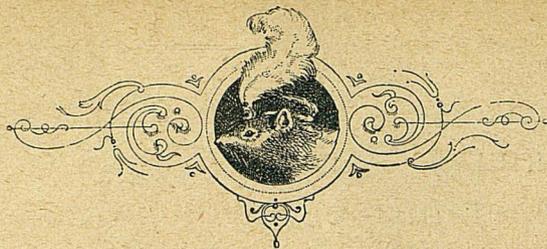
Скотницѣ въ тотъ же день отказали и взяли другую.

Мы часто вспоминаемъ Чушку.

Можетъ-быть, вы не вѣрите, и вамъ кажется страннымъ, но я видѣла сама, что и свиньи могутъ помнить добро и привязываться къ людямъ, которые къ нимъ ласковы и справедливы.

Клавдія Лукашевичъ.

ЛИСИЦА И ЗАЯЦЪ.

(ФИНСКАЯ СКАЗКА).

КАКЪ-ТО разъ лиса повстрѣчала зайца.

— Тебя, зайчикъ, никто на свѣтѣ не боится,—говорить. А зайчикъ и спрашиваетъ:

— А тебя-то кто, лиса, боится?

— Да меня всѣ боятся,—говорить лиса.— У меня видишь, какой длинный хвостъ: издали всякій думаетъ, что это волкъ идетъ.

— Побьемся объ закладъ, что и меня боятся,—сказалъ зайчикъ.

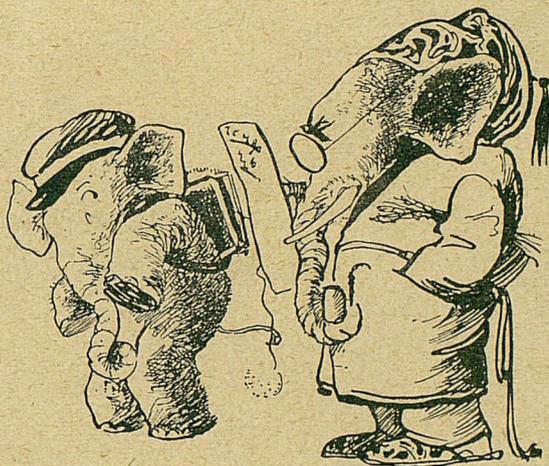
Вотъ пошли они вмѣстѣ дальше. Видятъ,— за загородкой лежитъ стадо овецъ. Зайчикъ перескочилъ черезъ загородку да въ самую середину стада. Овцы съ испугу вскочили и разбѣжались въ разныя стороны. А зайчикъ обрадовался, что выигралъ закладъ, и началъ хохотать и такъ хохоталъ, такъ хохоталъ, что губа у него и треснула. Съ тѣхъ поръ у всѣхъ зайцевъ губы точно разсѣчены на-двое...

В, Харузина.

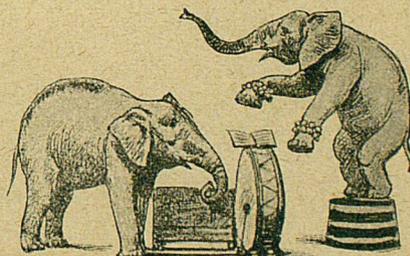
Потѣшныя странички.

ШАЛУНЪ-СЛОНЕНОКЪ.

Слоненокъ бѣдный,
Отъ страха блѣдный,
Домой идетъ
И подаетъ
Отцу отмѣтки...
— „Охъ, дѣтки, дѣтки! —
Вздохнулъ отецъ:
— „Твое ученье —
„Одно мученье
„Мнѣ, сорванецъ!..
„Постой, постой-ка!..
„Вотъ единица,
„А рядомъ — двойка!..
„Стыдись, срамница!

„Пройдя науку,
„Ты, между прочимъ,
„На славу сталъ бы
„Слономъ рабочимъ...
„Тебя-бъ любили,
„И всѣ цѣнили,

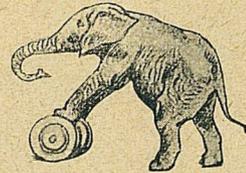

„И называли
 „Слоненка—другомъ;
 „Теперь же, малый,
 „Къ твоимъ услугамъ
 „Лишь циркъ остался.
 „О, наказанье!..
 „Чего дождался:
 „Мой сынъ достался
 „На посмѣянье!..
 „Клоунъ наряжаться
 „Велить уродомъ;

„Пойдешь кривляться
 „Передъ народомъ...
 „Покинешь нашу
 „Страну и волю,
 „И горя чашу
 „Ты выпьешь вволю...
 „Вертѣть шарманку,
 „Изволь живѣе,
 „Да обезьянку

„Катать на шеѣ...
 „Нѣтъ, я нѣмѣю...
 „Чернѣе сажи
 „Честь стала наша!...
 И слонъ-папаша
 Заплакалъ даже...
 Слоненокъ страшно

Перепугался;
 Хотъ безшабашнымъ
 Онъ и считался,
 Но, слыша это,
 Онъ прослезился.
 Всю ночь до свѣта
 Писалъ, учился.
 Совѣтъ былъ дорогъ:
 Чрезъ сутокъ двое
 Пятероку ворохъ
 Принесъ съ собою...

Ткачъ Основа.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

МИЛАЯ РЕДАКЦІЯ!

Если можно, напечатайте наше письмо въ „Путеводномъ Огонькѣ“ и „Свѣтлячкѣ“; можетъ-быть, много дѣтей прочтуть его и пришлютъ деньги на раненыхъ, а мы будемъ такъ рады, что положили начало этому дѣлу.

Нина и Юрій Кобіевы.

P. S. Очень благодаримъ за преміи и чудные журналы и крѣпко цѣлуемъ васъ за это.

Ваши подписчики.

МИЛЫЯ ДѢТИ!

Сегодня мы были съ мамой на вокзалѣ; много народу собралось провожать солдатъ и офицеровъ, уходившихъ на войну съ японцами. Намъ было ихъ такъ жалко, что мы плакали и молились за нихъ. Мы слышали, какъ папа читалъ въ газетахъ, какъ много жертвуютъ на раненыхъ и больныхъ. У многихъ изъ насъ есть маленькія сбереженія и копилки, пошлемъ кто сколько можетъ въ Редакцію „Свѣтлячка“, и по копеечкамъ соберутся десятки рублей, а Редакція пошлетъ эти деньги въ Красный Крестъ, чтобы на нихъ купили лекарства для раненыхъ и больныхъ.

Будемъ утромъ и вечеромъ молиться за дорогихъ воиновъ.

Господь услышитъ нашу молитву. Онъ такъ любитъ дѣтей и поможетъ русскимъ побѣдить враговъ нашей дорогой родины и облегчитъ страданія бѣдныхъ больныхъ и раненыхъ. Посылаемъ два руб.

Нина и Юра Кобіевы.

Дорогая редакція! Мама и папа мнѣ дарили серебряныя пятакки. Собралось 15 рублей. Прошу васъ купить красныхъ яичекъ и кулича и послать больнымъ солдатакамъ на Дальній Востокъ.

Женя Полторацкая.

Папа читалъ мнѣ, что теперь идетъ война, и говоритъ, что раненые солдатики нуждаются въ очень многомъ. Приглашаю при семъ 1 рубль отъ меня, 1 рубль отъ брата Вани, и 1 рубль посылаетъ старушка-няня. Прошу редакцію отдать эти деньги раненымъ солдатакамъ.

Таня Попова.

Посылаю рубль въ редакцію „Свѣтлячка“ на военные корабли. Приглашаю всѣхъ подписчиковъ „Свѣтлячка“ дѣлать то же. Пока это всѣ мои деньги, а когда соберу еще, то опять пошлю.

А. Куклярскій (6 лѣтъ).

Присоединяясь къ этому редакція „Свѣтлячка“, по ихъ почину, присоединяетъ и свою долю—въ размѣрѣ двухсотъ рублей. Итого поступило 221 руб.

Славная книжка!..